

стю неудобочитаемыми и в огромном количестве случаев дающими неверные отсылки). На этом фоне четвертый перевод Цветихина выглядит не логичным развитием виденного ранее, а скачком в сторону. Переведенная им повесть — это бесхитростная авантюрная история, где любовники за собственные провинности теряют друг друга, скитаются волею судьбы по различным областям ближнего Востока, общаются с людьми, прошлое которых со стороны закона и морали далеко не предстает безоблачным, изменяют друг другу заочно, и наконец встречаются, чтобы прожить оставшуюся жизнь вместе, не зная наверняка, является ли воспитываемый ими наследник их общим сыном, или прижит героиней с кем-то из прошлых любовников; все рассказанные истории при этом призваны показать, «какое множество народа сделалось несчастным, и все от жен» (С. 87). Трудно поверить, что подобную книгу перевел человек, всего за два года до того в первом своем переводческом предисловии соглашавшийся с Квинтилианом в том, что «не только должно выбирать авторов для чтения, но и части их сочинений, потому что иные очень вольно и неблагопристойно писали» (Каб.любом. С. 7 нenum.).

К переводу Цветихина подтолкнули, по видимому, стесненные материальные обстоятельства. Из Академии наук он уволился в